

ХРАНИТЕЛЬ

Лев Львович
РАКОВ

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Ц. И. ГРИН

ЛЕВ ЛЬВОВИЧ РАКОВ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

Поэту Науму Коржавину принадлежат строки, ставшие крылатыми:

Время? Время дано.
Время не подлежит обсуждению.
Подлежишь обсуждению ты,
Разместившийся в нем...

Коржавин не выдавал охранной грамоты самому времени. Он говорил о другом – о мере личной ответственности каждого за происходящее в обществе и государстве.

Время и обстановка. К этой теме возвращались и другие поэты («Времена не выбирают, в них живут и умирают»). Для людей XX столетия, независимо от их воли и делания, время и сопутствующие ему обстоятельства были главными героями жизни. И чем крупнее и значительнее была личность, чем больше она «вываливалась» из стандарта, тем катастрофичнее для нее оказывались столкновения со временем и теми, кто его олицетворял. В большинстве случаев катастрофа не означала, что данная личность противостояла эпохе, не принимала время («Время дано»). Более того, миллионы пострадавших от нее сами помогали его движению вперед («Время, вперед!»). Трагедия происходила оттого, что ум, талант, интеллигентность, неординарность плохо вписывались в духовную сферу времени.

А. М. Горький мечтал в 1930-е годы создать историю молодого человека XIX столетия. Теперь на исходе – век двадцатый, «век площадей» (М. Цветаева), войн, революций, общественных потрясений и научных прозрений. Все меньше остается людей, ровесников века, и поэтому так важно закрепить в памяти последующих поколений образы людей, разделивших с веком его судьбу и достойно эту судьбу проживших.

Жизнь Л. Л. Ракова может многое поведать о «делах и днях» XX века. Один из «всех других», он стал частью истории русской интеллигенции, сохранив и продолжив ее лучшие традиции в условиях, которые этому не способствовали.

Историк, писатель, общественный деятель, организатор знаменитого Музея обороны Ленинграда, Раков был творчески связан со многими учебными заведениями, научными и просветительскими учреждениями, музеями, театрами города и страны (Университет, Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, Военно-политическая академия, ГАИМК, Эрмитаж, Русский музей, Публичная библиотека, Всесоюзный музей им. А. С. Пушкина, библиотека Академии художеств и др.). Организаторские и творческие планы Ракова были неоднократно востребованы.

Но время делало течение его жизни извилистым, воздвигало на пути пороги, преодоление которых требовало от Ракова нечеловеческих усилий. Испытания, выпавшие на его долю, сократили жизнь человека, физические и духовные ресурсы которого были рассчитаны на долгие и долгие годы.

Все, кому посчастливилось знать Л. Л. Ракова или просто с ним встречаться, запомнили высокую стройную фигуру, красивое породистое лицо, удивительную выправку. В общении с ним чувствовался острый, блестящий ум, энциклопедическая образованность.

Среди многих талантов Ракова был один, особенно ценный в наши дни – талант организатора, талант администратора (он был, без сомнения, из породы Штольцев, создателей, а не Обломовых).

В 1947 году, не покидая поста директора Музея обороны Ленинграда, Л. Л. Раков согласился возглавить одновременно и Публичную библиотеку.

Л. Л. Раков прожил в Публичной библиотеке короткую, но долгую жизнь. Короткую – он был директором библиотеки три года (май 1947 – март-апрель 1950). Долгую – память о том, что он успел сделать и о том, что ему помешали сделать, живет в библиотеке, она обрастает все новыми подробностями, новыми легендами. Знающие историю библиотеки сравнивают Ракова с самой блестящей фигурой прошлого – М. А. Корфом. И при всей условности исторических аналогий, у них действительно было общее – стремление к реформам, к раскачиванию довольно

Государственная
публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Филиал в бывшем
Екатерининском институте
на наб. Фонтанки

консервативного быта библиотеки, понимание общественного и государственного ее значения.

С приходом Л. Л. Ракова восстановилась традиция, которую прервал вынужденный уход в 1930 году академика Н. Я. Марра. Во главе библиотеки снова стал ученый, прервав тем самым череду сменявшихся на этом посту в 1930–1940-е годы партийных работников и культпросветчиков.

Продлевает долгую жизнь в библиотеке Л. Л. Ракову и его незаурядность, не только его блестящие способности администратора (это тоже роднило с Корфом), но и свойственное ему обаяние ума, красоты, интеллигентности. Те, кто работал в библиотеке в эти годы, помнят, какой эффект произвело появление в ее стенах среди женского коллектива красивого, стройного, с настоящей военной осанкой подполковника, остроумного, живого, энергичного. Вместе с ним появилась в библиотеке и уверенность, что можно будет преодолеть беды, которые в избытке оставила война (потери сотрудников на фронте и в блокированном городе, обветшание зданий, катастрофическая нехватка помещений для фондов, для обслуживания читателей).

Говоря о директорстве Л. Л. Ракова, следует помнить, что время, отпущенное ему на задуманные реформы, было еще короче календарного. Уже начало было трудным и тревожным – принятое в октябре 1946 года постановление ЦК КПСС о журналах «Звезда» и «Ленинград» подняло новую волну репрессий против интеллигенции и прежде

всего – ленинградской. Затем последовала кампания борьбы с космополитизмом, начало «ленинградского дела». Время для осуществления перемен и нововведений все сужалось. В самой библиотеке также находились люди, которые стремились быть на «гребне событий» (живет здесь легенда о том, как выгнал из своего кабинета Л. Л. Раков одного такого «доброхота», запретив его впредь пускать к нему на порог. «Доброхот» предложил свои услуги по искоренению «врагов народа», в чем он действительно «преуспел» в 1930-е годы). Сохранились в архиве и заявления (практически – доносы), адресованные Ракову. Исправив в некоторых из них грамматические ошибки (и такое случалось), Л. Л. отправлял их в архив, в назидание потомкам.

Уже после освобождения в 1954 году Л. Л. Раков и Д. Н. Альшиц в пьесе «Опаснее врага» воздали должное тем лицам, которые способствовали обострению в библиотеке и без того трудного положения. Персонажи пьесы столь прозрачны, что прототипы легко угадываемы.

Что удалось сделать Л. Л. Ракову за небольшое время, ему отпущенное?

С именем Л. Л. Ракова связано получение и освоение здания на Фонтанке, 36. Студенчество, составлявшее львиную долю читателей библиотеки, получило в свое распоряжение новые читальные залы. В два раза вырос штат библиотеки (с 430 до 980). Он был пополнен многими выпускниками Университета и других гуманитарных вузов, аспирантами институтов АН, кандидатами наук. Открыты годовичные курсы для лиц с высшим образованием, резко расширен прием в аспирантуру библиотеки, восстановлены связи с университетскими и академическими кругами города. Л. Л. Раков не только добился приравнения библиотеки к научно-исследовательским учреждениям в правовом и материальном отношении. Он стремился к сущностному с ними равенству, поставив целью превратить библиотеку в один из авторитетных центров гуманитарной науки. Но его программное выступление на Всероссийском совещании библиотечных работников о задачах научной работы библиотеки не было положительно воспринято чиновниками от культуры. Осенью 1948 года на дворе уже стояло иное время. Посыпались сначала упреки, а затем приказы, выговора, наезды комиссий. Библиотеку и Л. Л. Ракова обвиняли в пренебрежении интересами массового читателя, в аполитичности, формализме, объективизме и еще прочих других «измах». Ревизии были подвергнуты не только издания библиотеки, но и ее каталоги. В чем-то удавалось отбить атаки, но в основном шел поиск компромиссов, признаний вины, обещаний «исправить и улучшить». Главное, что ставилось в вину Л. Л. Ракову – это люди, которых он пригласил на работу. В архиве библиотеки сохранилась копия характеристики Л. Л. Ракова, направленной в горком партии. Готовилось его снятие с поста директора библиотеки, а дальше – и исключение из партии. Вина Ракова сформулирована в характеристике весьма оригинально – «подбирал кадры по деловым, а не партийным соображениям».

Один из подписавших характеристику был человек умный, все понимающий, а также многим обязанный Л. Л. Ракову, но и его впереди ждало увольнение, возможный арест или исключение из партии. Возможно, подписываясь под этими формулировками, он рассчитывал, как нам кажется, что люди будущего, читая эту несурзаицу, смогут оценить трагизм времени.

В постановлении горкома все выглядело уже прозаически и стандартно: «Работая после музея директором Гос. Публичной библиотеки, Раков допус-

тил засоренность кадров людьми, не вызывающими политического доверия, и враждебными элементами».

Эта формулировка послужила основанием к снятию его с работы директора. В это время в библиотеке уже шли аресты.

Цилия Иосифовна Грин (1921–2004), поступив до войны в ЛГУ, в военные годы работала на заводе Марти и в дегазификационной команде. Испытав все ужасы блокады, потеряв отца, брата, но выйдя мать, была эвакуирована с нею в Сибирь, где служила в школе. С трудом вернувшись в Ленинград, восстановилась в Университете и закончила его с отличием.

Работая в ГПБ с 1947 г., Ц. И. Грин защитила диссертацию (1954). Участвовала в составлении генерального каталога библиотеки, работала в отделе русской и иностранной периодики, возглавляла группу в отделе библиографии и краеведения, создавшую монографию по истории Публичной библиотеки (1963). Цилия Иосифовна была среди инициаторов и создателей изданий: «Публичная библиотека глазами современников (1795–1917). Хрестоматия» (СПб., 1998), «В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Г.П.Б (1941–1945)» (СПб., 1998), биографического словаря «Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры» (СПб., 2005).

Публикуемый здесь текст о Л. Л. Ракове был прочитан автором на научной конференции «Библиотечное, книжное и архивное дело Санкт-Петербурга» (РНБ, апрель 1999).

Ц. И. Грин